

УДК 821.161.1.09+929[Чернышевский+Каменев]

Н. Г. Чернышевский в критике 1930-х гг. Л. Б. Каменев и другие

Т. Д. Белова

Белова Тамара Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, belovatdmit@yandex.ru

В статье рассматриваются судьба и некоторые особенности личности, спорные вопросы биографии Н. Г. Чернышевского в забытой книге Л. Б. Каменева «Чернышевский» (1933), высокоценного явления советской гуманитарной науки 1930-х гг., позволяющего соотнести нравственный опыт и трагедию революционного демократа, глубинные смыслы его эстетики и этики с проблемами советской действительности 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, Л. Каменев, А. Герцен, писательство, нравственные основы жизни, эстетика, репрессии.

Поступила в редакцию: 20.03.2020 / Принята: 07.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

N. G. Chernyshevsky in the Criticism of the 1930s. L. B. Kamenev and Others

T. D. Belova

Tamara D. Belova, <https://orcid.org/0000-0002-7826-6584>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, belovatdmit@yandex.ru

The article discusses the fate and some characteristic traits of the personality, as well as controversial issues of N. G. Chernyshevsky's biography, uncovered in the forgotten book by L. B. Kamenev *Chernyshevsky* (1933), an insightful phenomenon of the Soviet humanities of the 1930s, which allows us to relate the moral experience and the tragedy of the revolutionary Democrat, the deep sense of his aesthetics and ethics to the problems of the Soviet reality the 1920–1930s.

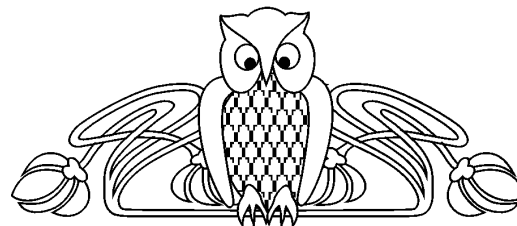
Keywords: N. G. Chernyshevsky, L. Kamenev, A. Herzen, authorship, moral foundations of life, aesthetics, repressions.

Received: 20.03.2020 / Accepted: 07.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-288-294>

Осмысление личности и творчества Н. Г. Чернышевского, выдающегося русского мыслителя, самобытного писателя, критика, общественно-го деятеля 1850-х – начала 1860-х гг., сегодня не лишено проблем. Смена ценностных векторов и обострившиеся противоречия в оценках нашей истории, ее активных участников, к сожалению, потеснили имя Чернышевского с передовой линии отечественной научной мысли и русской ли-

тературы. Исключение составляет Саратовская школа с ее ежегодными научными конференциями «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» в Музее-усадьбе Чернышевского, что доказывает: великий русский мыслитель и гражданин, несмотря на десятилетия дореволюционного замалчивания и современных попыток задвинуть его имя в нишу забвения, не устарел, актуален и для нашего времени.

К имени и наследию Чернышевского, запрещенного в царской России с 1862 до 1905 г., обращались лишь единицы наиболее независимо мыслящих авторов. Среди них – Вл. С. Соловьев¹, Е. А. Ляцкий, опубликовавший в 1900–1910-х гг. ряд статей о Чернышевском, его письма к родным из Сибири², что всколыхнуло интерес к «великому русскому ученому» (К. Маркс), «русскому Лессингу» (Ф. Энгельс), заставило В. Розанова решительно изменить негативное мнение о великом революционном демократе. Если ранее он писал «невежественные мерзости» о Чернышевском (М. Горький), то после знакомства с изданиями в петербургских «Огнях» письмами опального соотечественника признал его государственным деятелем «выше Сперанского и кого-либо из “екатерининских орлов”, <...> и нелепого Бакунина, и тщеславного Герцена»; готов был сказать: «Он был действительно *соло*», признать нелепостью бросание «в снег и глушь, в ели и болото» человека, рождающегося «веками»³.

М. Горький, обращаясь в письмах (1912 г.) к А. Амфитеатрову, спрашивал: «Читали вы переписку Чернышевского с женой? <...> Я читал и чуть не плакал»⁴. Обращаясь к А. С. Черемнову с таким же вопросом, он восклицал: «Какая трагическая книга и как “житиен” этот удивительный русский революционер. Да, можно писать “Житие преподобного Николая Чернышевского”. Иже во святых. *Иже во святых*» (курсив автора. – Т. Б.)⁵. Не удивительно, что Горький активно поддержал идею организации Музее-усадьбы Н. Г. Чернышевского в Саратове⁶.

В отечественной историографии 1920–1930-х гг. о Чернышевском, кроме ленинских оценок, известны были суждения Г. Плеханова, В. Фриче, А. Луначарского, М. Покровского и др. При явном доминировании социологических трактовок личности «великого предшественника» как революционера, автора «К барским крестьянам...», что небезосновательно оспаривается (А. А. Демченко), с течением времени в наших и зарубежных исследованиях о Чернышевском наметились неоднозначные рассуждения альтерна-

тивных пар: Чернышевский и Герцен, Чернышевский и Плеханов, Чернышевский и Гегель и т. д. Одним из первых, еще в дореволюционное время, об антиномии Герцен и Чернышевский стал писать Л. Б. Каменев, обратив внимание на нравственно-этический аспект коллизии, переросшей в идейный конфликт двух неравных сил: с одной стороны А. И. Герцен, негласно ставший во главе либерально-помещичьего лагеря, с другой – Чернышевский, Н. А. Добролюбов и Н. А. Некрасов, неизменная опора молодого руководителя критического отдела «Современника».

В своей книге «Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском» (1916) Л. Каменев, выступавший тогда под псевдонимом Ю. Каменев, отталкиваясь от двух исторических дат: 1848 г. в Европе и 1861 г. в России, – рассматривал их как главные для «идейного развития» Герцена и Чернышевского. Подняв вопрос о позиции обоих «в деле крестьянской реформы в России»⁷, а также положения Герцена среди европейских демократов после 1848 г., когда он, разочарованный в «в путях Западной Европы», был высмеян Зольгером, подметившим «уязвимые места в мессианизме герценовских представлений о роли России в судьбе Европы»⁸, когда он сожалел «в конце своей деятельности, <...> что история идет такими грязными и глухими проселками»⁹, проложенными «радикальной демократией», Каменев четко сформулировал: «Известно, что в обоих указанных пунктах – и в отношении к событиям 48 г., и в отношении к событию 61 г. – Герцен и Чернышевский далеко разошлись друг с другом»¹⁰.

При этом Каменев не забыл все же сказать об общем пункте в программе дворянина и разночинца: это – «мечта о самобытных путях развития России, о “новом слове”, которого надо ждать от неё, о своем, собственно русском ответе на кричащие противоречия европейской цивилизации»¹¹. Однако, проследив логику поведения Герцена, его боязни западной «заразы» – голодного пролетариата, Каменев пришел к выводу: Герцен-социалист, не отдавая себе «точного отчета в том, что собственно представляло “освобождение крестьян”»¹², «стал консерватором в социальных вопросах, Герцен – ярый враг деспотизма – стал умеренным либералом с явным уклоном в сторону либеральной бюрократии»¹³. Чернышевский же, по его словам, и после 48-го года «не считал “западных” путей исхоженными»¹⁴, всемерно старался разоблачить обманчивый характер «великих реформ» 1961 г., чем навлек на себя гнев либерально-помещичьей партии и царских властей... В результате – на сорок с лишним лет «были почти забыты мысли самого умного, почти гениального современника тех событий, Чернышевского»¹⁵.

Пафосный тон аналитических суждений Л. Б. Каменева о Чернышевском не только сохранился, но и усилился в его монографии «Чернышевский»¹⁶. Вышедшая в свет в 1933 г.

(серия «ЖЗЛ»), эта книга одного из образованнейших членов РСДРП, участника лондонского съезда партии в 1907 г., была написана в Минусинской ссылке, которую Каменев отбывал в 1932 – начале 1933 г. Близкий ленинскому курсу организации народного хозяйства и культурного строительства, он внутренне не принимал партийную линию Сталина. Отсюда неоднократные «партийные» взыскания бывшего при Ленине заместителя председателя Совнаркома. Отсюда, думается, стремление автора книги найти в Чернышевском «великую идею современности», нравственно-этическую основу жизнестроительства нового общества. В Чернышевском Каменев видел «залог Октябрьской революции за шестьдесят лет до первого выстрела». К нему он хотел «присмотреться ближе, чтобы понять кое-что дополнительно в Ленине, в Октябре, в нашей эпохе», понимая, что пера историка и публициста «недостаточно, чтобы восстановить в памяти современников прекрасный образ»¹⁷.

Рано начав «присматриваться» к личности Н. Г. Чернышевского, его драматически сложному окружению и его трагической судьбе, Л. Б. Каменев дал принципиальную оценку монографии Г. В. Плеханова: «...полна ошибок и в отдельных частях», а в оценке политической роли Чернышевского «устарела». О трудах М. Н. Покровского он отозвался как о «сильном недоразумении» того, что писал о Чернышевском автор «своей “истории” и “очерков по истории революционного движения”». Наряду с признанием труда Ю. Стеклова, вышедшего вторым изданием в 1928 г., как наиболее полной биографии Чернышевского, Каменев, однако, заметил, что автор сильно преувеличил «степень теоретической близости Чернышевского коммунизму» и явно «модернизировал» его¹⁸. Но однозначно высоко он оценил «прекрасное» издание «Огней» «Чернышевский в Сибири»...»¹⁹, особенно ожидаемый «небольшой томик писем», который «навсегда останется в мировой литературе памятником смелой мысли и непреклонности убеждений»²⁰.

Вероятно, эти суждения директора издательства «Academia», занявшего (не недолго) должность руководителя Института мировой литературы, о важности собрания и издания первоисточников, богатейшего наследия революционного демократа послужили толчком к началу выпуска в 1939 г. Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, которое завершено было лишь в 1953 г. В 1939 г., вышла в свет монография А. П. Скафтымова²¹, интересная своей близостью по материалу к монографии Каменева, к несчастью, закрытой от читателей вскоре после ареста автора в декабре 1934 г. и расстрела по надуманному обвинению в организации покушения на С. М. Кирова и Сталина 25 августа 1936 г. (через два месяца после смерти Горького) – реабилитирован в 1988 г. До недавнего време-

ни книга Каменева оставалась не известной специалистам. Лишь по счастливой «случайности» она сохранилась в Саратовской областной универсальной научной библиотеке.

О существовании работ Каменева о Н. Г. Чернышевском можно было узнать из его переписки с М. Горьким, опубликованной лишь в 2010 г.²² Там же – об их тридцатилетних дружеских отношениях, внутрипартийной обстановке рубежа 20–30-х гг. и судьбе большевика. Изведавший «прелести» сибирской ссылки до революции и отбывавший очередное партийное «наказание» (конец 1932 – 1933 гг.) автор монографии о Чернышевском подчеркивает моральное превосходство революционного демократа, видит в нем эталон высокой духовности борца за высокие идеалы социализма.

Еще в Вводной заметке к книге Я. Черняка «Спор об огаревских деньгах» (1931) Каменев выступил как оппонент автору, склонному поддерживать Огарева и Герцена в их стремлении уличить Некрасова и Панаеву в «денежном плутовстве» по делу бывшей жены Огарева. Упрекая Черняка за невнимание к мнению Н. Г. Чернышевского, его «привычке составлять себе суждения о делах, приобретающих общественный интерес, лишь на основании щепетильнейшего и внимательнейшего изучения всех <...> данных, который <...> воплощал для своего времени высшую ступень революционного сознания и, вместе с тем, непревзойденный моральный авторитет»²³, Каменев заявил, что автор «Спора...» «отнял у себя нравственную свободу рассматривать дело с должным вниманием к фактам»²⁴.

В сложной ситуации запутанных имущественных дел между Огаревым, Панаевой и Некрасовым, которая затрагивала авторитет «Современника», Чернышевский совершил нелегальную поездку в Лондон, но, по словам Каменева, разночинец якобы не был принят двоюродным Герценом. В советской историографии доминирует мнение, что встреча состоялась (М. В. Нечкина), что «в основании политических убеждений обоих выдающихся революционеров к моменту встречи лежало много общего»²⁵. Более того, «лондонская встреча Чернышевского и Герцена не нарушила единства революционно-демократического лагеря, а укрепила его»²⁶. Каменев стоял на полярной точке зрения. Унизительные подозрения по адресу сотрудников «Современника», остро полемические высказывания Герцена в статье «Очень опасно!», наконец, письмо о возможном сотрудничестве «Колокола» с «Современником», переданное Герценом с Ветошкиным и перехваченное царской полицией (факт известный), послужившее поводом к аресту Н. Г. Чернышевского, – все это едва ли говорит о тенденции к сближению. Тем более, что Чернышевский после возвращения из лондонской поездки в письме к Добролюбову нелестно отзывался о Герцене как Кавели-

не (т. е. самом дюжинном либерале. – Л. К.) «в квадрате» (133).

Как пример действительно тесной дружбы Некрасова и Чернышевского приведем другой факт, отмеченный Каменевым: по возвращении из Сибири в 1884 г. (уже после смерти и Некрасова, и Огарева, и Герцена), зная о том, что Некрасов взял «вину» обманутой Панаевой на себя, решив сохранить эту тайну до конца дней и мучительно страдая как честный человек, Чернышевский еще раз коснулся этого дела, преследуя одну цель – реабилитировать нравственный облик не только Некрасова²⁷, но всего революционно-демократического движения 1860-х гг.

Также, движимый чувством тревоги и незащищенности в обстановке внутрипартийных «склок», Каменев после возвращения из Сибири²⁸ в письме (7 июня 1933 г.) обратился к Горькому с просьбой прочесть уже набранную в «ЖЗЛ» биографию Н. Г. Чернышевского: «Писал я ее в тишине и покое, далеко от Москвы, – общал он, не уточняя, о какой «тишине» и «покое» идет речь, – <...> все время работы над этой вещью Вы представлялись мне одним из первых её читателей и очень хотелось мне, чтобы <...> работа эта Вам понравилась. <...> хочется услышать похвалу от Вас»²⁹.

Горький, недавно окончательно вернувшийся из негласной эмиграции в Москву, интенсивно работавший над рядом проектов по организации серии журналов, быстро прочитал труд Каменева. «Сделано очень красиво, светло, горячо, – написал он через неделю, – последнее – особенно чувствуешь. <...> Вам удалось рассказать о нем так, что местами Ваша повесть и меня, еретика, взволновала»³⁰. К «серьезным недостаткам» книги Горький отнес то, что Чернышевский «не дан “в быту”, – во время его петербургской жизни, в семье, в отношениях к друзьям, к Ольге Сократовне и т. д.». Но в заключение добавил: «...это спорно и не умаляет сказанного мною в начале: очень хорошая работа»³¹. В ответном письме Каменев пояснил: «Я именно хотел “взволновать” **нового** читателя судьбой мыслителя при старом режиме» (выделено нами. – Т. Б.)³². Эта оговорка «о старом режиме», «судьбе мыслителя» невольно рождает мысль о новом, сталинском режиме...

Основу работы над книгой составили первоисточники: материалы первого тома в серии «Литературное наследство» (1931), посвященного Чернышевскому, детали его автобиографии, его дневники, богатый эпистолярный материал середины XIX в. Активно опирался Каменев на материалы книги «Чернышевский в Сибири», высоко оценив письма Чернышевского, в которых он «старательно затушевывал <...> переживаемую им трагедию» (168). Обращение опального автора к личности Чернышевского в сложную эпоху внутрипартийной борьбы, массовых процессов не только над «организаторами голода», специалистами «Промпартии», но и старыми

большевиками-«уклонистами», объясняется тяготением одного из них к идеалу культурного общественного деятеля, желанием «присмотреться ближе, чтобы понять кое-что дополнительно <...> в Октябре, в нашей эпохе» (7).

Сознание важности исходных, социокультурных основ личности революционного демократа продиктовало Каменеву необходимость рассмотрения его родословной: высокопоставленных петербургских родственников и друзей отца-протоиерея саратовской церкви. Что не помешало благонаправленному юноше заметить, что «истинная религиозность» столичных «вельмож» не всегда подтверждались их делами и разговорами, контрастно оттеняла тепло домашней ауры в саратовском доме, где господствовал дух настоящей христианской любви к человеку, атмосфера подлинной культуры, образованности и что обосновало сознательный выбор жизненного пути, «карьерного роста» Николая Чернышевского.

При этом Каменев не спешил заявить о решительном преодолении студентом религиозных предрассудков, воспринятых «в семейном кругу, главным образом от отца», то якобы «отрицательное, что впоследствии ему приходилось преодолевать, <...> что мешало его революционно-идеологическому росту», не давало оторваться от того «балласта», с которым он расстался «только в последние годы пребывания в университете», – такие пояснения требовало «строгое» время конца 1930-х гг.³³ Позиция Каменева иная. Обращаясь к первоисточникам, к дневниковым записям (1848–1850-х гг.), в которых, по его словам, отражена «замечательно характерная смесь правильных догадок» сына протоиерея Сергиевской церкви в Саратове «о классовом строении общества, <...> и наивнейших политических рассуждений, о “наследственной неограниченной монархии”, призванной покровительствовать утесняемым, низшему классу, земледельцам и работникам...» (30), минусинский «узник» сочувственно комментирует записи об истинно христианской любви к «своей церкви» как к своему дому, готовности помочь нуждающимся грешникам, – важных для понимания нравственных принципов Чернышевского, заложенных с детства: «Наши нравственные принципы допускали наше зрение видеть тут только почтенное <...> на известной высоте все прекрасно – мы были тверды в этом» (11).

Характерно, что Сталин, внимательно следивший за Каменевым, читая его книгу о Чернышевском, обратил особое внимание на рассказ Николая Гавриловича «о принципах воспитания в семье священника», о сложившихся дружеских отношениях между священниками, дьяконами, дьячками и пономарями. Карандашом он подчеркнул такие строки из книги: «Это была как раз та форма и степень религиозности, которая нужна была хозяину саратовского протоиерея, государству: возведенное в степень непререкаемого, свы-

ше данного закона исполнения ряда обрядов, дисциплинирующее сознание и волю масс»³⁴. Может быть, отсюда слова обращения Сталина: «Братья и сестры! Друзья мои!», которые он произнес по радио после двухнедельного молчания с начала Великой Отечественной войны.

Отдав должное фактам истинной религиозности в саратовском доме Чернышевских, Каменев деликатно включает мотив эволюции, постепенного, но неотвратимого движения «апологета христианства» к мысли о том, что «понятие христианства должно со временем совершенствоваться» (31), что в уточнении и углублении нуждается «главная мысль христианства» о сущности любви, не понятая нами «и теперь еще, через 1850 лет» (31). Отсюда новое в его сознании: «...я несколько не отвергаю неологов и рационалистов», что привело к увлечению диалектикой Гегеля, из которой он выхватил близкую ему «идею развития через рост противоречий» (32), и обусловило ситуацию расставания с Иисусом Христом, «который так благ, так мил душе своею личностью, благой и любящей человечество, и так влияет в душу мир, когда подумаешь о нем» (32).

Теоретическая мысль Чернышевского конца 1840-х – начала 1850-х гг., переживающая «еще переходный период», в толковании Каменева, связана была с попыткой решить возникшие перед ним новые задачи «освобождения человечества от классового господства», приспособив идущие от Гегеля «старые представления (монархию и господствующее религиозное учение)» (31). Но, пережив «благоговейный трепет» от присоединения к учению Гегеля «о вечно развивающейся идее», молодой мыслитель, утверждает биограф, сумел «отделить в системе идей немецкого философа-идеалиста её революционную тенденцию, резко сказать о выводах Гегеля: они “узкие и ничтожны”» (33), прийти к сознанию неотвратимости появления среди его учеников Людвига Фейербаха. Знакомство с его работой «Сущность христианства» подготовило Чернышевского к освобождению от иллюзий христианского долготерпения и всепрощения. После казни участника революции в Германии члена «Академического легиона» немецкого поэта и политика Роберта Блюма 9 ноября 1848 г. возмущенный студент написал в дневнике: «На виселицу Виндишгерца и всех», но – через несколько строк: «молился несколько минут за Блюма, а давно не молился по покойникам» (33).

Рассмотренный далее процесс развития общественно-политического мышления Чернышевского связан с периодом сближения с петрашевцем Ханыковым, через него – с французским социалистом-утопистом Ф. Фурье. Увидев в высказываниях пропагандиста социалистических идей «ум решительный, во всем новый, везде делающий не то, что другие <...> вещи бог знает какие» (33), Чернышевский восхитился умело расставленными акцентами не только соци-

ально-политических, но и экономических сфер жизни. Суждения Фурье об организации общественного строя и труда, при которых человек формируется как целостная, гармоническая личность, думается, получили впоследствии свое образное воплощение в романе «Что делать?» (описании мастерских Веры Павловны): им принадлежит будущее.

Отобранные автором повествования дневниковые записи (ноября–декабря 1848 г., февраля, апреля, мая 1849 г.) свидетельствуют о разительной метаморфозе молодого Чернышевского: «...у меня, робкого, сердце волнуется и душа дрожит» – при мысли сохранить прежние представления, и это в эпоху революционных потрясений, подобных «времени Цицерона и Цезаря, когда рождается новый столп жизни, и является новый Мессия, и новая религия, и новый мир...» (33). Поэтому как «ужасно» подлую и гнусную историю воспринял он арест петрашевцев, полагая, что организаторы расправы, «вроде <...> Бутурлина, Орлова, Дубельта и т. д. должны были бы быть повешены...» (34). Так под воздействием событий в Европе и России конца 1840-х гг. Чернышевский стал говорить «о революции и хилости нашего правительства» (34).

Тем не менее, Каменев не дает прямого ответа на вопрос: был ли Н. Г. Чернышевский революционером? Но он упорно ведет читателя к мысли о неосновательности нравственной проповеди христианства вне заботы о том, чтобы дать средства освобождения человека «от порока, невежества, преступления и эгоизма» (35). К 1850 г. монарх воспринимается им как «слишком большое препятствие развитию умственному даже и в средних классах» (36). Сторонник европейских революций 1848 г., он, в отличие от Герцена, к моменту окончания университетского курса приходит к убеждению, что именно в борьбе угнетенные скорее поймут, что вера народа в «доброе царя» – самое трудное препятствие на пути к обновлению жизни в России. К сожалению, преодолеть эту веру не удавалось вполне и в 1905 г., когда, пережив Кровавое воскресенье в январе, летом толпы народа шли, «как слепые», поклониться в Кремль царю-освободителю, что образно показал М. Горький в своей итоговой книге «Жизнь Клима Самгина»³⁵.

Ожидая и надеясь на революцию в России, подобную европейским, Чернышевский, знакомый с реалиями российской действительности, признается: «...знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет...» (36). Реально мыслящий человек, по словам Каменева, «не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошедшему, ... он знает, что иного ожидать нельзя от людей, что мирное, тихое развитие невозможно» – необходимы конвульсии, и автор дневника признается: «Пусть со мною будут конвульсии, – я знаю, что без конвульсии нет никогда, ни одного шага вперед

в истории» (36). Такова философия истории и, очевидно, философия «героя» 22-летнего Чернышевского, который «думал о тайном печатном станке», о напечатанном манифесте, «в котором провозгласить свободу крестьян, свободу от рекрутчины». Это «так расколышет народ, что нельзя будет и на несколько лет удержать его» (36). Возможно, в этом он был близок к Ленину, решительно настроенному на революционный взрыв в ослабленной от Первой мировой войны России. Этот юношеский максимализм, осознание в себе необъятной силы, готовность предостеречь молодую любимую женщину, на какую долю она обрекла себя, покидая родной провинциальный город, реально осознанные за годы сибирского заточения, видимо, и определили налет самоиронии в романе «Пролог» (1869).

Воссоздавая облик и образ мыслей идеолога программы освобождения крестьян без всякого выкупа и честного, равноправного разделения земли между «пахарями и помещиками», Каменев обращается к тексту 1-й части романа («Пролог пролога»), чтобы отчетливее показать линию поведения Волгина (Чернышевского), не желающего вступать в бессмысленный спор с превосходящими по силе противниками: либералами и партией помещиков. Об этом же, по существу, сказал и А. П. Скафтымов, заметив, что основу романа составляет ясное видение автора необходимости крестьянской революции и вместе с тем – отчетливое сознание «отсутствия революционных возможностей в массах»³⁶.

Уже в 1859 г., пишет Каменев, Чернышевский видел «упадок народной энергии, умственную нашу неразвитость», азиатскую «обстановку жизни, азиатское устройство общества, азиатский порядок дел» (61), понимая, что в этой ситуации помещичий план должен был «скорее толкнуть крестьянскую массу на революцию». Об «азиатской обстановке» российской жизни как реальной неготовности Октябрьской революции писал и автор «национально нужной» книги «Жизнь Клима Самгина» (1927–1936). Так, знакомство с книгой Л. Каменева подтверждает мысль о созвучии взглядов на революционную ситуацию в России трех разных по времени, по социальному опыту, но близких по судьбе русских мыслителей.

Вступая в новую полосу борьбы за переустройство жизни в России, Чернышевский-художник и публицист сознавал необходимость заменить слова: «революция», «революционный период» на «счастливы случай», «усиленная работа», «благородный порыв», «скачки» – поиному нельзя было писать под «угрозой цензорского карандаша» (64–65). Своевременным и актуальным для эпохи рапповских разночтений о художественности, об отношении к культуре и литературе прошлого представляется проведенный Каменевым анализ эстетических взглядов автора «Эстетических отношений искусства к действительности» и «Авторецензии на свою

диссертацию». Его главной заслугой, по мнению опального исследователя, является сведение прекрасного «с неба, из области платоновских идей и гегелевских понятий в область обыкновенного». Красота для него – «объективно данное» и открывается человеком «для себя в природе и жизни» (98). Оспаривая «господствующие определения» о том, что «прекрасное и возвышенное в строгом смысле не встречаются в действительности и вносятся в нее только нашею фантазией», защитник идеи общественной роли искусства в «Авторецензии» настаивал на обратном: «...прекрасное и возвышенное действительно существуют в природе и человеческой жизни». Чрезвычайно важным для него представляется роль «понятий наслаждающегося человека», который бы отчетливо сознавал: «прекрасно то, в чем мы видим жизнь, сообразную с нашими понятиями о жизни, возвышенно то, что гораздо больше предмета, с которым сравниваем мы его» (98). Пробуждение такого «наслаждающегося» человека, важность эстетического воспитания масс через года покажут Гл. Успенский («Выпрямила») и М. Горький в повести «Мать», передав изумление Ниловны, открывшей для себя в «фолиантах зоологических атласов»: «...сколько везде красоты этой милой, – а всё от нас закрыто и всё мимо летит, невидимое нами»³⁷.

Ценность книги Каменева, не только для времени ее написания, обусловлена актуализацией суждения ее героя о неразрывной связи науки, искусства и действительности. Признавая приоритет научных знаний, которые дают человеку «средства понять, какие явления действительности хороши и благоприятны для него», автор тут же добавляет: «Чрезвычайно могущественное пособие в этом оказывает науке искусство», оно – «одно из орудий изменения мира» (101), а художественное произведение «тем выше, чем больше в лице автора сливаются художник и мыслитель» (курсив наш. – Т. Б.) (102).

Понятно, что «смелые, резкие формулы Чернышевского, <...> подчинившие искусство реальной жизни, сдергивавшие с него мистический флер служения "высшим", внеприродным целям, должны были подействовать на профессиональных служителей искусства, как ушат холодной воды...» (101). И, действительно, Тургенев назвал книгу Чернышевского «гносной мертвечиной», «порождением злобной тупости и слепоты», назвал «подобное направление» гибельным (102). В такой резкой форме проявился внутрилитературный конфликт, вылившийся в известный разрыв с «Современником» в 1856 г., Тургенева, Толстого, Островского, Григоровича, Дружинина и др. Для них, как свидетельствует с опорой на документы Каменев, Чернышевский и его образ, его стиль были «прямо-таки физиологически невыносимы и неприемлемы» (128). Даже Герцен воспринимал позиции Чернышев-

ского «полным "нигилизмом", святотатственным покушением на основные ценности культуры, отрицанием всех завоеваний человеческого духа, политической бестактностью, способной лишь помочь политической, идеологической реакции» (127). В одном ряду с одобрительными отзывами по факту ареста Чернышевского оказались Л. Толстой, Катков и лидер либеральной партии Кавелин, написавший Герцену, что аресты его «не удивляют и <...> не кажутся возмутительными...» (130).

Социально обусловленный корень разногласия разночинца с дворянско-помещичьими общественными позициями собратьев по литературно-журнальному делу просматривается в признании Чернышевского, что уже к 1856 г. он «имел образ мыслей, не совсем одинаковый с понятиями Герцена» (134), а также – в отказе вернувшегося из якутской ссылки Чернышевского на просьбу А. Н. Пыпина «написать воспоминания о выдающихся литераторах его времени»: «...их жизнь была чужда мне, я имел понятия, которым не сочувствовали они, а я не сочувствовал их понятиям. По всему этому я был чужой им, они были чужие мне» (133).

В итоге, рассказав в главе «Огонь под спудом» о мучительном заточении на двадцать один год русского мыслителя, который «не успел в своей революционной деятельности сделать ничего, кроме опубликования ряда подцензурных статей» (127), автор книги предъявил обвинение и писателям, издателям крупных журналов, принявшим свое участие в уничтожении Чернышевского. В Астрахани, напоминал Каменев, «удар шел со стороны руководителей культурного и либерального общества. Стасюлевич, Гольцев, Чупров и др.» не сделали ничего, чтобы «обеспечить Чернышевскому возможность высказаться на страницах "передовых" издательств». Что дало повествователю право обвинить «Вести Европы», либерально-народническую «Русскую мысль», «Русские ведомости» в соучастии в политическом умерщвлении Чернышевского – цель, которую никогда не скрывали правительства Александра II и Александра III (176).

«Хорошо сделанная» книга Л. Каменева, навеянная проблемами своего времени, насыщена массой интересных фактов биографии Чернышевского, сложной идеологической борьбы в эпоху «великих реформ». Нельзя переоценить важность мысли ее автора о прочной духовной и научной основе в мировоззрении «утопического» социалиста Чернышевского для «великого и трагического» времени 1920-х – 1930-х гг. Изъятая из библиотек, из научного оборота, эта книга «трудной судьбы», несомненно, займет достойное место на книжных полках и рабочих столах современных исследователей отечественной и мировой общественной мысли, поможет расставить необходимые акценты в осмыслении нашего прошлого и настоящего.

Примечания

- 1 См.: Соловьев В. Первый шаг к положительной эстетике // Вестн. Европы. 1894. № 1. С. 294–302; Соловьев В. Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 548–555. (Философское наследие).
- 2 См.: Чернышевский в Сибири. Переписка с родными : в 3 вып. / вступ. ст. Е. Ляцкого, примеч. М. Н. Чернышевского. СПб. : Изд. Т-ва «Огни», 1911–1913.
- 3 Розанов В. Уединенное. М. : Современник, 1991. С. 15–16.
- 4 Литературное наследие. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М. : Наука, 1988. С. 410.
- 5 Горький М. Полн. собр. соч. и письма : в 24 т. Т. 10. Письма апрель 1912 – май 1913. М. : Наука, 2003. С. 124.
- 6 См.: Манова Е. К вопросу о роли А. М. Горького в организации музея Н. Г. Чернышевского в Саратове // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения-2004 : материалы Междунар. конф. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2006. С. 571–578.
- 7 Каменев Ю. Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском. Пг. : Жизнь и знание, 1916. С. 6.
- 8 Каменев Ю. Самый остроумный противник Герцена // Вестн. Европы. 1914. № 4. С. 118–160. Эту статью, доработав, Каменев включил в свою книгу «Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском» (1916) и, развивая мысль Зольгера, определил «русский мессианизм новейшей формации» как «концентрированное выражение всей реакционности русского либерализма», как «философское отражение его практической политики постоянных компромиссов и принципиального соглашательства с силами средневековья» (Каменев Ю. Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском. С. 17).
- 9 Каменев Ю. Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском. С. 104.
- 10 Там же. С. 6.
- 11 Там же. С. 7.
- 12 Там же. С. 85.
- 13 Там же. С. 104.
- 14 Там же. С. 86.
- 15 Там же. С. 92.
- 16 Каменев Л. Чернышевский. М. : Жур.-газ. объединение, 1933. (Жизнь замечательных людей).
- 17 Там же. С. 7.
- 18 Там же. С. 160.
- 19 Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. : в 3 вып. / вступ. ст. Е. Ляцкого, примеч. М. Н. Чернышевского. СПб. : Изд. Т-ва «Огни», 1911–1913. О роли Е. Ляцкого, много сделавшего для возрождения памяти Чернышевского, подробнее см.: Белова Т. Д. Н. Г. Чернышевский в оценке критиков и журналистов 1910-х годов (Е. А. Ляцкий и другие) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. Вып. 20. Саратов : Техно-Декор, 2015. С. 96–107.
- 20 Каменев Л. Чернышевский. М. : Жур.-газ. объединение, 1933. (Жизнь замечательных людей). С. 168. Здесь и далее ссылки в тексте даются по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- 21 См.: Скафтымов А. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов : Сарат. обл. изд-во, 1939.
- 22 См.: Письма Л. Каменева Горькому / вступ. ст. и примеч. Л. Н. Смирновой // Горький в зеркале эпохи (Неизданная переписка). М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 540–617. (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 10).
- 23 Каменев Л. Вводная заметка (к книге Я. Чернышка «Спор об огарёвских деньгах»). URL: http://az.lib.ru/k/kamenew_1_b/text_1931_vvodnaya_zametka_k_chernyaku.shtml (дата обращения: 10.10.2016).
- 24 Там же.
- 25 Порох И. Герцен и Чернышевский. Саратов : Кн. изд-во, 1963. С. 137.
- 26 Там же. С. 145.
- 27 Показательно эмоциональное признание Чернышевского, узнавшего о смертельной болезни Некрасова, в письме к А. Н. Пышину: «О Некрасове я рыдал, – просто рыдал по целым часам каждый день целый месяц» (Чернышевский в Сибири... Вып. 3. С. VII). Важно свидетельство Е. Ляцкого о том, что Некрасов успел услышать слова опального друга и просил: «Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его: я теперь утешен; его слова дороже мне, чем чьи-либо слова» (Там же. Вып. 2. С. XIV).
- 28 Письма Л. Каменева Горькому. С. 598.
- 29 Там же. С. 561.
- 30 Там же. С. 600.
- 31 Там же.
- 32 Там же. С. 562.
- 33 Скафтымов А. Указ. соч. С. 7.
- 34 Курляндский И. Сталин. Власть. Религия // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 84. Л. 11. URL: <http://igorkurl.Livejournal.com/337178.html> (дата обращения: 14.10.2016).
- 35 См.: Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения : в 25 т. М. : Наука, 1968–1976. Т. 22. С. 379–381.
- 36 Скафтымов А. Указ. соч. С. 85, 86. Заметим, что в этом же состояла суть спора М. Горького и авторов Заявления (Каменева и Зиновьева), опубликованного в газете «Новая жизнь» 18 октября 1917 г., с Ленинским ядром РСДРП (См.: Письма Л. Каменева Горькому. С. 532).
- 37 Горький М. Полн. собр. соч. : в 25 т. Т. 8. С. 209.

Образец для цитирования:

Белова Т. Д. Н. Г. Чернышевский в критике 1930-х гг. Л. Б. Каменев и другие // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 288–294. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-288-294>

Cite this article as:

Belova T. D. N. G. Chernyshevsky in the Criticism of the 1930s. L. B. Kamenev and Others. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 288–294 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-288-294>